

## История изучения погребального обряда средневекового населения Пермского Предуралья\*

**К. В. Моряхина**

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии,  
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.  
Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0002-7879-6526. E-mail: kmoryaxina@mail.ru

**Аннотация.** История изучения средневековых могильников начиналась еще на рубеже XIX–XX вв., когда археологи попытались дать характеристику обряда на тех памятниках, где ими были проведены раскопки. Начиная с 1950-х гг., исследователи выделяли типичные черты обряда, присущие населению, оставивших памятники ломоватовской и родановской культуры, обращая внимание на преемственность культур. По мере накопления материала расширялись представления об обряде и уточнялись границы, были использованы математические методы исследования. Более полное описание дано в трудах В. А. Оборина, Р. Д. Голдиной, И. В. Бочарова, А. М. Белавина и Н. Б. Крыласовой. Неоднократно поднимались дискуссионные темы, связанные с хронологией ломоватовской и родановской культур, этническими процессами в Пермском Предуралье. В 1970-е гг. А. К. Амброзом была подвергнута критике периодизация ломоватовской культуры, предложенная Р. Д. Голдиной, и высказано предложение о миграции части неволинского населения в Верхнее Прикамье. Исследовательницей был дан аргументированный ответ в защиту своих взглядов. После защиты диссертации И. В. Бочарова разгорелась дискуссия о границе между ломоватовской и родановской культурами, об этническом составе населения ломоватовской культуры. А. М. Белавиным, Н. Б. Крыласовой, В. А. Ивановым были в ряде работ приведены аргументы, свидетельствующие о том, что изменения в погребальном обряде и материальной культуре заметны в конце XI в., что связано со сменой населения. В качестве их оппонентов выступали Р. Д. Голдина, А. Ф. Мельничук, Г. П. Головчанский. На данный момент дискуссия остается открытой.

**Ключевые слова:** погребальный обряд, средневековье, Пермское Предуралье, историография, хронология.

Целью данной статьи является рассмотрение истории изучения погребального обряда средневекового населения Пермского Предуралья, оставившего памятники ломоватовской и родановской культур. Стоит отметить, что автор статьи не ставит перед собой задачу раскрыть историю изучения (раскопок) могильников на данной территории. В рамках статьи проанализированы только обобщающие работы по данной теме, поскольку объем статьи не позволяет рассмотреть публикации, посвященные отдельным памятникам.

Первые публикации появились еще в дореволюционное время. А. Н. Шатровым и Н. Г. Первухиным представлены сведения о разведывательных раскопках в верховьях р. Камы, на основе чего отмечены особенности погребального обряда: положение костяков головой на север, наличие углей в засыпи (Горд-Кушетский, Сиятский, Грибятский м-ки), сосуществование обрядов трупоположения и трупосожжения (Носковский, Тиминский м-ки) [16, с. 80]. В Отчете археологической комиссии за 1900–1901 гг. были опубликованы сведения о раскопках В. Л. Борисова на Харинском и Агафоновском могильниках и А. А. Спицына на Деменковском, Шибановском, Селянинском могильниках [21, с. 87–89; 22, с. 113–116].

Впервые попытка охарактеризовать погребальный обряд средневекового населения Пермского Предуралья была предпринята А. П. Смирновым (1952 г.). Исследователь основное внимание сосредотачивал на описании материала, что касается самого погребального обряда,

то отмечал преемственность ломоватовской и родановской культур, которая прослеживается в обряде и в украшениях. Сравнивая с соседними территориями, исследователь отмечал, что на родановских могильниках погребения ориентированы на север, на чепецких – на запад, на родановских – труположение, на вычегодских – трупосожжение [23, с. 209–215].

Большой вклад в изучение погребального обряда, в особенности родановской культуры, внес В. А. Оборин. В своей кандидатской диссертации «Коми-пермяки IX–XV вв. (родановская культура)» археолог отдельное внимание уделил преемственности культур. Исследователь отмечал, что при преобладании обряда труположения на ломоватовских и родановских памятниках, в тех и других отмечен также обряд трупосожжения, что, по его мнению, является одним из свидетельств генетической связи культур. Анализируя памятники двух культур, В. А. Оборину удалось проследить изменения в погребальных конструкциях: для ломоватова характерны более глубокие захоронения с остатками гроба или колоды, для роданово – неглубокие ямы без гроба, умершего заворачивали в бересту или кору. Примечателен также тот факт, что, по мнению исследователя, раннеродановские погребения встречаются на ломоватовских могильниках (Каневский, Урьянский) [19, с. 93–97].

В. А. Оборин разделял родановскую культуру на два этапа: лаврятский и рождественский, для каждого из которых выделил особенности погребального обряда. Так, лаврятскому этапу (IX–XII вв.) присущи такие черты, как неглубокие ямы, отсутствие погребальных сооружений, захоронения рядами, наличие «некоторой имущественной дифференциации». Для рождественского этапа (XII–XV вв.) характерно нарушение рядов, большая часть погребений безынвентарная, богатые погребения находятся в стороне от основной части, сохраняется северная ориентировка с отклонением к западу. Эти изменения в обряде В. А. Оборин связывает с изменением родового погребального обряда и усилением роли индивидуальной семьи [19, с. 203, 298].

Более подробно погребальный обряд, с учетом нового материала, В. А. Оборин описал в статье «Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья» (1969 г.). Также исследователь провел сравнение с соседними территориями. В. А. Оборин отмечал, что на памятниках родановской культуры преобладает ориентировка на С, при этом на северных памятниках есть отклонение на З (Урьянский, Каневский, Редикарский), на южных – на В (Деменковский, Гуринский, Баяновский). Исследователь обращал внимание, что на северных памятниках родановской культуры (Урьянском, Плесинском, Мелехинском, Верх-Боровском могильниках) единично встречается обряд трупосожжения, что характерно для соседней вымской культуры, и отсутствует на чепецких памятниках. В родановских погребениях сохранились остатки деревянных долбленных колод-гробовищ, встречаются они и на чепецких памятниках. Также были обнаружены захоронения в лодке-долбенке, по мнению В. А. Оборина, – специфично именно для родановского обряда. На ряде памятников встречается береста и луб, в которую заворачивали тело умершего, на соседней территории на Веселовском могильнике обнаружены фрагменты луба. В сравнении с другими культурами есть и различия в расположении погребального инвентаря в яме, что, как считал В. А. Оборин, является важной деталью. В родановских погребениях украшения расположены в порядке ношения, орудия труда и оружие – вдоль тела или в ногах, зубы лошади и ракушки каури – между ногами. В женских погребениях в ногах помещали глиняные сосуды, в мужских – железные или медные. Для памятников сылвенской культуры характерно такое же расположение вещей, на чепецких памятниках – сосуды в изголовье, а под ними могут быть гребни, шилья, ракушки каури, в Ветлужско-Вятском междуречье – украшения и мелкие орудия труда в изголовье, в ногах сосуды, оружие, крупные орудия труда. В. А. Оборин выделял еще одну характерную черту родановских могильников – наличие жертвенных ям в межмогильном пространстве, в которых встречаются глиняные сосуды, угли, кости животных, иногда зерно и сельскохозяйственные орудия. По мнению исследователя, эта традиция идет от костниц гляденовского времени, поскольку жертвенные ямы встречаются и на ломоватовских могильниках [20, с. 5–8].

Последняя обобщающая статья В. А. Оборина под названием «Коми-пермяки» вышла в 1999 г. Особенности обряда им уже неоднократно были описаны, но тем не менее с учетом увеличения источниковой базы замечены новые детали. В. А. Оборин отмечал, что традиции домостроительства отразились в погребальном обряде – в заполнении ям есть остатки гробовищ и колод. В бересту или луб могли заворачивать не только умершего, но и ими оборачивали деревянные погребальные конструкции. В. А. Оборин указывал, что еще одной особенностью родановских памятников является наличие поминальных комплексов – остаток тризн

в виде глиняных сосудов и костей животных, которые укладывались над могилами. Такой обычай существовал наряду с жертвенными комплексами в межмогильном пространстве. Правда, последние, как подмечал ученый, больше характерны для ломоватовской культуры и на поздних могильниках встречаются редко [18, с. 267–270].

В 1964 г. была опубликована В. Ф. Генингом статья, посвященная изучению Деменковского могильника. Статья представляет интерес не только тем, что там приведены сведения о памятнике с предлагающимся описанием погребений, но и тем, что рассмотрена кратко история изучения ломоватовской культуры. Исследователь выделил на Деменковском могильнике раннюю часть – южные погребения (VI – первая половина VIII в.) и позднюю – северные (вторая половина VIII – первая половина IX в.). Для ранних погребений, как отмечено в статье, характерны ориентировка на С–Ю, большие размеры ям, керамика без примесей, само тесто рыхлое, черного цвета. На поздней части могильника меняется ориентировка – погребения ориентированы на СВ–ЮЗ, уменьшаются размеры ям (что, по мнению исследователя, связано с изменением погребальной конструкции), керамика с примесью толченой раковины. В жертвенных комплексах в ранней части обнаружены кости животных, в поздней – углистые пятна. Наличие в погребениях (три погребения) жертвенных масок исследователь связывал с тесными связями с зауральским населением (хантами и манси). В. Ф. Генинг предполагал, что различия между ранними и поздними погребениями отражают изменения в мировоззрении и хозяйстве (переход от скотоводства к земледелию как основе хозяйства). Таким образом, как отмечал исследователь, со второй половины VIII – XII вв. шел «интенсивный процесс формирования новых культурных признаков», что он замечал и по материалам других могильников. В целом, как писал В. Ф. Генинг, стратиграфический анализ и анализ вещего материала показывают непрерывный переход от ломоватовской к родановской культуре, отсутствуют признаки смены населения или притока населения извне [9, с. 98–124].

Особый вклад в изучение ломоватовской культуры внесла Р. Д. Голдина. В 1970 г. была опубликована статья «Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме», где впервые дана общая характеристика погребального обряда ломоватовской культуры и проработана периодизация памятников. В выборку были включены материалы десяти могильников (336 погребений). Для ломоватовских могильников, как отмечала Р. Д. Голдина, характерно наличие четких рядов погребений, ориентировка ям разнообразная. Существовало два обряда захоронений: трупосожжение и трупоположение. На ломоватовских могильниках отмечен культ огня (угли в заполнении ям), в некоторых погребениях кости животных. Еще одной особенностью погребального обряда Р. Д. Голдина считала наличие в межмогильном пространстве жертвенных ям, которые разделила на два типа: 1) угли (не всегда), кости животных, фрагменты керамики, стеклянные бусы, фрагменты вещей; 2) остатки кострищ (угли, зольные прослойки), фрагменты керамики, земледельческие орудия. Хронология ломоватовской культуры разработана Р. Д. Голдиной на основе взаимовстречаемости вещей в погребении с учетом их датировки (всего учтено 80 погребений). Исследовательницей были проработаны украшения костюма как наиболее информативный материал. В результате Р. Д. Голдина выделила четыре хронологические группы: 1 группа – вторая половина VI – первая половина VII в. (в эту группу попали всего два погребения Агафоновского могильника), 2 группа – вторая половина VII – первая половина VIII в., третья группа – вторая половина VIII – первая половина IX в. (исследовательница отмечала, что некоторые вещи встречаются в более позднее время в X–XI вв.), 4 группа – VII–IX вв. Разработанную хронологию Р. Д. Голдина перепроверила при помощи математических методов, что подтвердило достоверность выводов [12].

В 1973 г. А. К. Амброзом была опубликована рецензия на монографию И. Эрдели, Е. Ойтози, В. Ф. Генинга, посвященную Неволинскому могильнику. В этой рецензии исследователь обращает внимание и на статью Р. Д. Голдиной «Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме». Как пишет А. К. Амброз, Р. Д. Голдиной «доказано существование особого типа памятников – агафоновского, с остатками трупосожжения в длинных ямах, с беспорядочно разбросанным инвентарем, особого типа поясными наборами... Но не доказано, что этот материал предшествует Деменкам и Неволино», так как нет случаев взаимоперекрывания могил; в той части, где расположен Агафоновский могильник, нет памятников типа Деменок и Неволино. Сам исследователь считал, что если подробно сопоставить типологические детали агафоновского и неволинского типа поясов, то можно прийти к выводу, что они синхронны. Далее А. К. Амброз ставил под сомнение отнесение Р. Д. Голдиной ряда погребений Каневского, Плесинского, Урьинского, Деменовского могильников к более раннему периоду. Исследователь также де-

лал предположение, что агафоновский этап является «прямым предшественником «переходного» этапа к родановской культуре», и соответственно необходимо учитывать влияние неволинского набора украшений на сложение «переходных» украшений. А. К. Амброз допускал вероятность того, что часть неволинского населения могла переселиться на верхокамскую территорию [1, с. 290, 291].

Р. Д. Голдина в статье «Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье» представила продолжение начатого ей исследования по хронологии ломоватовской культуры с учетом новых материалов раскопок, а также дала ответ на критику А. К. Амброза, отстаивая свою позицию, что агафоновская стадия предшествует деменковской, а не является синхронной ей. Р. Д. Голдина объясняла отсутствие перекрытий могильных ям на Агафоновском I могильнике тем, что погребения, отнесенные ей к разным стадиям, выделяются плановографически: погребения агафоновской стадии расположены в западной части могильника, деменковской – в южной или северо-восточной. Эти погребения отличаются и по вещевому материалу, в первую очередь по украшениям, как отмечала исследовательница. Наиболее важным в статье является то, что Р. Д. Голдина показала эволюцию погребального обряда на примере Агафоновского I могильника, который датирован VI–IX вв. Для агафоновской стадии присущи следующие черты: погребения ориентированы на В–З или ВСВ–ЗЮЗ, разрежены, нет случаев перекрытия, большие размеры ям, встречаются ямы овальной или неправильной формы с круглым или неправильным дном, в заполнении отмечены кости животных. Погребения деменковской стадии выделяются более плотным расположением ям, отмечаются случаи взаимонарушения (исследовательница делала пометку, что это могло быть связано с сокращением площадки памятника), преобладают ямы среднего размера прямоугольной формы с плоским дном, кости животных редко встречаются в заполнении ям. Р. Д. Голдина предполагала, что изменение формы ям связано с появлением погребальной конструкции типа гробовища. Также она отмечала, что поздние погребения имеют преимущественно ориентировку СВ–ЮЗ или СЗ–ЮВ, таким образом происходил постепенный переход от широтной к меридиональной ориентировке. К общим чертам агафоновской и деменковской стадии исследовательница отнесла наличие углистых пятен в верхней части заполнения ям [13, с. 83–88].

Дальнейшее развитие дискуссия не получила.

Наиболее полная характеристика погребального обряда памятников VI–IX вв. представлена в монографии Р. Д. Голдиной «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье». Помимо выделенных уже ранее характерных черт Р. Д. Голдина обращала внимание на особенности размеров ям, погребальных сооружений. Новые выводы были получены вследствие проведения активных археологических работ в верховьях Камы в 1970–1980-х гг. Исследовательница отмечала, что, как правило, ломоватовские погребения неглубокие, ямы среднего размера, но на Агафоновском I могильнике отмечена большая ширина ям, на Шукинском – большая длина. Форма могильных ям преимущественно прямоугольная с плоским дном. На ряде могильников (Агафоновский I, Аверинский II, Шукинский) зафиксированы выступы-ниши. Исследовательницей были выделены несколько вариантов погребальных конструкций: долбленные колоды, дощатые настилы, перекрытие, береста [11, с. 26–30]. Стоит отметить, что Р. Д. Голдиной при анализе погребальных конструкций не были учтены материалы Деменковского и Плесинского могильников, хотя там были обнаружены фрагменты деревянных конструкций.

Если обратить внимание на источниковую базу исследования родановской культуры В. А. Обориным и ломоватовской культуры Р. Д. Голдиной, то можно заметить, что ими были рассмотрены одни и те же памятники. Так, к позднему (урьинскому) этапу ломоватовской культуры и к раннему (лаврятскому) этапу были отнесены Каневский, Урьинский, Важгортский, Баяновский, Редикарский могильники. В. А. Оборин писал, что на этих памятниках есть погребения ломоватовской и родановской культур, но ни он, ни Р. Д. Голдина не указали, какие конкретно погребения относятся к той или иной культуре. Детальное знакомство с монографией «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье» дает понять, что ее автором были учтены материалы всех погребений перечисленных могильников. Этот факт не умаляет значение выводов, полученных Р. Д. Голдиной, но искажает представление о преемственности ломоватовской и родановской культур.

Отдельно исследованием погребального обряда памятников, расположенных в верховьях р. Камы, занимался В. А. Кананин. Исследование построено в первую очередь на материалах Аверинского II, Русиновского и Шукинского (ломоватовская культура), Аверинского I

(родановская культура) могильников. В. А. Кананин отмечал, что погребения на рассматриваемых могильниках вытянуты преимущественно в меридиональном направлении (94,1 %), выделяется Аверинский II могильник с широтной ориентировкой. Ямы, как правило, прямоугольной формы. Овальной, квадратной или неправильной формы ямы чаще встречаются на Аверинском II и Щукинском могильниках. На этих же памятниках зафиксированы ниши-выступы, на которых встречаются кальцинированные кости, фрагменты керамики, отдельные вещи. Особое внимание исследователь уделял способу погребения, поскольку для шести из 11 памятников характерна биобрядность. Как отмечал В. А. Кананин, на ломоватовских погребениях преобладала кремация, на раннеродановских в равной степени встречаются погребения с кремацией и ингумацией, на позднеродановских – только ингумация. На памятниках погребения с разным обрядом, как указано в статье, не выделяются ни planoграфически, ни конструктивными особенностями ямы, ни сопроводительным материалом. Различия отмечаются только в расположении вещей: при ингумации украшения лежат в порядке ношения, оружие, орудия труда, предметы быта – вдоль погребенного; при кремации – кости и вещи в беспорядочном положении или скопом на дне ямы. В. А. Кананин указывал на наличие культа огня (93,6 % погребений с углем). Интерес представляют находки органических остатков (фрагментов ткани, бересты, шкуры животных), которые, по мнению В. А. Кананина, играли определенную роль в обряде. Так, шкурой животного или берестой могли укрывать покойного, помещенного иногда на настил из досок. Также были зафиксированы случаи, когда вещи заворачивались в бересту или шкуру. Аналогии такому обряду В. А. Кананин нашел у марийцев. Анализируя вещевой материал, исследователь отмечал различия между ранними и поздними памятниками: в поздних погребениях не встречается конская упряжь и оружие, при этом чаще встречаются орудия труда и предметы быта. Стоит также отметить, что по наблюдениям В. А. Кананина, кости животных чаще встречаются в погребениях с кремацией. В конце статьи В. А. Кананин сделал вывод о том, что изучение памятников верховьев Камы показывает, с одной стороны, преемственность обряда между ранними и поздними памятниками, с другой стороны, их своеобразие, что, по мнению исследователя, позволяет выделять эти памятники в локальный вариант [16, с. 83–95].

На основе выводов, сделанных В. А. Кананиным, создается впечатление, что постепенно исчезает обряд кремации. Но выборка, которую использовал археолог для раннеродановских памятников, не репрезентативна. Он пришел к мнению об одинаковом соответствии кремации и ингумации на основании шести погребений: на Васеневском могильнике изучено одно погребение, на Тиминском – три, на Носковском – два.

В более поздней работе, опубликованной совместно с Р. Д. Голдиной, В. А. Кананин применил метод статистической обработки данных, предложенный В. Ф. Генингом и В. А. Борзуновым, для анализа погребального обряда памятников верховья Камы. В результате проведенного анализа на основании коэффициента сходства В. А. Кананин пришел к выводу, что все могильники имеют достаточно высокую степень близости – от 58,4 % до 83,6 %. По мнению исследователей, это свидетельствует о том, что население, оставившее эти памятники, принадлежало к одной этнической группе, и об устойчивости погребальных традиций с VI по XIV вв. В. А. Кананин отмечал, что близость памятников прослеживается по таким признакам, как размер ямы, погребальные конструкции, состав погребального инвентаря. Различия были выявлены в ориентации погребений, характере ритуальных остатков, останках погребенного [14, с. 28–42].

Наиболее полное исследование погребального обряда средневековых памятников Пермского Предуралья представлено в диссертации И. В. Бочарова. Им были изучены материалы ломоватовских и родановских памятников, расположенных от верховьев Камы до впадения в нее р. Чусовой. Источниковая база составила 13 могильников, 1643 погребения. Исследование И. В. Бочарова построено на применении статистических методов: 1) методика В. Ф. Генинга и В. А. Борзунова, 2) методика Г. А. Федорова-Давыдова и В. А. Иванова, направленная на выделение комплексов взаимовстречаемых признаков. Все признаки в ходе работы были поделены на всеобщие, локальные и частные. Диссертация состояла из четырех глав: в первой главе представлена историография вопроса, во второй дана характеристика погребального обряда, в третьей показана его эволюция, в четвертой памятники сгруппированы по степени близости [8, с. 3–24].

Давая характеристику погребальному обряду, И. В. Бочаров рассматривал топографические особенности памятников, погребальные сооружения, способ погребения, следы риту-

альных действий, погребальный инвентарь. Анализируя конструкции погребальных ям, исследователь делал предположение, что на ряде могильников (Деменковский, Плесинский, Рождественский языческий, Антыбарский) был особый обряд наземных захоронений, поскольку эти памятники выделяются неглубокими (до 40 см) ямами [8, с. 64]. Ритуальные действия представлены культом огня (угли в погребениях) и наличием костей животных в погребениях [8, с. 73–75].

И. В. Бочаров, пытаясь проследить эволюцию погребального обряда, разделил памятники на три хронологические группы (VII–IX вв. – позднемомоватовские, IX–XI вв. – раннеродановские, XII–XIV вв. – позднеродановские), то есть суммировал признаки для каждой группы. На основе полученных выводов И. В. Бочаров сделал заключение, что момоватовские и раннеродановские памятники (первая и вторая группа) имеют больше общих черт, чем раннеродановские и позднеродановские. Отдельно стоит отметить, что исследователь указывал, что обряд кремации исчез в XII в. (на памятниках третьей группы нет кремации). При этом, по мнению И. В. Бочарова, для памятников первой группы была характерна именно биобрядность, а для второй – разделение на памятники с ингумацией и кремацией (Агафоновский II, Мелехинский могильники) [8, с. 88–97].

Проведя расчеты степени близости памятников, И. В. Бочаров разделил памятники на две группы: первая группа – Аверинский I, Аверинский II, Агафоновский II, Щукинский могильники; вторая группа – Деменковский, Каневский, Урынский, Телячий Брод, Антыбарский, Агафоновский I, Плесинский, Рождественский. Для каждой группы памятников исследователь выделил модели погребального обряда: для первой группы характерны могильные ямы подпрямоугольной формы глубиной 40–80 см, кремация, наличие фрагментов керамики, бусы, ножи, детали поясного набора и предметы вооружения; для второй группы – погребения располагаются рядами, имеют прямоугольную форму, глубина ям составляет 41–60 см, ориентированы ногами к реке, захоронения совершены по обряду ингумации, в засыпи ям встречаются угли, преобладают фрагменты керамики, ножи, бусы [8, с. 107–112].

Отдельное внимание И. В. Бочаров уделял этническим процессам в Пермском Предуралье в эпоху средневековья. По мнению исследователя, биобрядность свидетельствует о совместном проживании двух этнических групп. И. В. Бочаров считал, что в выделенной им первой группе преобладало финно-пермское население, во второй – угорское. К угорским этно-маркирующим признакам он относил погребальные маски, кости лошади в заполнении ямы, детали конской сбруи и узды, шнуро-гребенчатую керамику, особую конструкцию ямы в виде ступенек и заплечиков [8, с. 55, 115, 116].

В заключении И. В. Бочаров сделал вывод о том, что на протяжении VII–XIV вв. погребальный обряд не претерпевал существенных изменений, лишь несколько видоизменялся. Как писал исследователь, «статистический анализ погребального обряда не выявляет принципиальной разницы между момоватовской и родановской погребальной традициями, не позволяет провести границу между ними по IX в.». Прекращение функционирования ряда памятников в IX в. он связывал не со сменой культур, а с оттоком населения на Среднюю Каму. Далее И. В. Бочаров отмечает, что «деление эпохи средневековья для территории Верхнего Прикамья на самостоятельные момоватовскую и родановскую культуры не обосновано и излишне... Если же выделение отдельных культур представляется необходимым, то рубежом ...<будет> конец XI – начало XII вв.» [8, с. 100–102].

И. В. Бочаровым была проделана большая работа по сбору материала и его обработке, но тем не менее она вызывает ряд вопросов и замечаний. На наш взгляд, изначальное разделение памятников на три хронологические группы, а также суммирование признаков по каждой группе привело к искажению полученных выводов. Например, И. В. Бочаров писал: «количество погребений, содержащих в засыпи угли, значительно во всех трех хронологических группах: 35,2 %; 40,7 %; 35,7 %» [8, с. 95], при этом он отмечал, что культ огня не характерен для Каневского, Деменковского, Урынского и Плесинского могильников [8, с. 75]. Аналогичную ситуацию можно наблюдать с наличием костей животных в засыпи ямы. И. В. Бочаров отмечал, что «на могильниках VII–IX и IX–XI вв. достаточно часто встречаются кости животных – 18,5 % и 17,1 %» [8, с. 97]. При этом он указывает, что есть памятники, на которых не более 5 % погребений с костями животных, – это Деменковский, Урынский (первая хронологическая группа), Плесинский, Агафоновский II (вторая хронологическая группа) [8, с. 73]. Как мы видим, в рамках одной хронологической группы на ряде памятников есть значительное количество погребений с углем и костями животных, на других наоборот. Можно заметить,

что Деменковский, Урьинский, Плесинский могильники выбивают как минимум по двум показателям из общей картины. Таким образом, изначальное разделение памятников в соответствии с устоявшимися представлениями о хронологических группах не дает возможности рассматривать вариант синхронного существования разных культурных традиций. Возникает вопрос, почему в исследуемой выборке среди языческих могильников И. В. Бочаров рассматривал и Рождественский мусульманский могильник, ведь очевидно, что по погребальному обряду он отличается от остальных памятников. При выделении моделей погребального обряда в соответствии со степенью близости памятников для второй группы были учтены дополнительные критерии [8, с. 109], что является нарушением методики исследования.

После защиты И. В. Бочаровым кандидатской диссертации другие исследователи при рассмотрении погребального обряда средневекового населения Пермского Предуралья стали уделять еще большее внимание этническим процессам, что привело к полемике и спорам среди исследователей.

В совместной статье А. М. Белавина, И. В. Бочарова, Н. Б. Крыласовой «К вопросу об этнической принадлежности средневекового населения Верхнего Прикамья» были еще раз отмечены угорские признаки. Исследователи также обращают внимание, что в XII–XIV вв. сократилось количество и характер оружия, уложенных в погребения, и связывали это «с изменением этнического стереотипа или является результатом перехода сюда населения, которое не опасалось соседей с северо-запада, имея с ними налаженные контакты задолго своего появления в Приуралье». Смена населения, как отмечали авторы статьи, приходится на XI–XII вв. [3, с. 135–137].

Позже А. М. Белавиным была опубликована статья «Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер». Исследование построено на формально-типологическом анализе погребальных памятников Пермского Предуралья и сравнении их с зауральскими и западносибирскими могильниками. В результате проведенного исследования А. М. Белавин пришел к выводу, что памятники имеют схожие черты в обряде, что указывает на угорскую принадлежность населения ломоватовской культуры. К наиболее характерным угорским чертам погребального обряда исследователь отнес: 1) расположение могильников на возвышенном месте рядом с рекой, погребения ориентированы на реку; 2) неглубокие могильные ямы; 3) наличие угля в засыпи ямы; 4) оборачивание берестой; 5) наличие погребальных масок; 6) захоронение в полном костюмном комплексе; 7) снабжение умершего транспортным средством (преимущественно конем), пищей, орудиями труда, оружием. А. М. Белавин отмечает, что выделенные черты меняются/исчезают в XI–XII вв. В это же время ориентировка погребений стала не по отношению к реке, а в соответствии со сторонами света (преимущественно на С) [2, с. 9–11].

Более подробно результаты исследования представлены в коллективной монографии А. М. Белавина, В. А. Иванова, Н. Б. Крыласовой «Угры Предуралья в древности и средние века» (2009). В монографии детализированы сведения о памятниках, включенных в выборку, приведены сводные таблицы с признаками погребального обряда в процентном соотношении, что позволяет увидеть полную картину и верифицировать полученные выводы. Из 1224 погребений 589 относятся к ломоватовской культуре (Каневский, Редикарский, Баяновский, Плесинский, Рождественский, Запосельский, Огурдинский могильники) [5, с. 82–93]. К сожалению, авторы не объяснили, чем обусловлен выбор именно этих исследуемых памятников.

В качестве еще одного угорского маркера в погребальном обряде Н. Б. Крыласова выделила наличие речного песка в засыпи погребения (Баяновский, Огурдинский и Рождественский могильники). Исследовательница предполагала, что «присутствие речного песка в погребениях могло быть связано идеей о том, что путь в «нижний мир» лежит по реке» или же мог использоваться в качестве очистительного средства в дополнение к культу огня [17, с. 92–97].

В статье «Проблема периодизации средневековых археологических культур» А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова, сравнивая керамику, украшения, погребальный обряд, жилище, тип хозяйства, привели аргументы о необходимости пересмотреть хронологию средневековых археологических культур Пермского Предуралья, на что они уже не раз обращали внимание в других своих работах. По мнению исследователей, рубеж между ломоватовской и родановской культурами приходится на конец XI в. А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова представили четкую характеристику погребального обряда, опираясь в том числе на исследования предшественников. Характеристика погребального обряда ломоватовской культуры дана по Р. Д. Голдиной. Помимо выделенных ранее черт авторы статьи отметили, что на могильниках этого

времени присутствуют следы рам из досок в погребениях; у некоторых погребений вокруг фиксируются столбовые ямки от надмогильных сооружений; фиксируются столбовые ямки вокруг жертвенных ям; в жертвенных ямах и на выступах-нишах помимо прочего встречаются удила и украшения; для отдельных мужских погребений характерно наличие набора хозяйственных и ремесленных орудий, расположенных компактными скоплениями в ногах. А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова обратили внимание, что эти признаки присутствуют и в более поздних памятниках. Изменения же в погребальном обряде, по мнению указанных исследователей, происходят в XI–XII вв., о чем, как отмечено в статье, ранее уже писал в своей диссертации И. В. Бочаров. Для поздних памятников А. М. Белавин и Н. Б. Крыласова указали следующие характеристики: 1) резко сокращается обряд кремации, а с XIII в. полностью исчезает; 2) практически исчезают из жертвенного погребального комплекса кости животных; 3) уменьшается количество погребений с фрагментами керамики; 4) сокращается количество и разнообразие украшений, исчезают многие типичные украшения; 5) резко сокращается содержание предметов вооружения и деталей конской сбруи; 6) появляются качественно новые орудия труда, свидетельствующие о переходе к пашенному земледелию [6, с. 32–35]. Стоит отметить, что в рассмотренной статье впервые предельно четко дана характеристика погребального обряда для разных хронологических периодов и показаны различия между ними.

В последующих статьях А. М. Белавиным, Н. Б. Крыласовой совместно с В. А. Ивановым, А. В. Даничем были выделены венгерские черты обряда на Баяновском и Рождественском могильниках, к которым они отнесли наличие в могильных ямах сумочек, погребальных масок, драгоценных поясов серебряных подвесок-всадников [4; 7].

Концепция А. М. Белавина, Н. Б. Крыласовой и других о доминировании угорского населения в VII–XI вв., о периодизации ломоватовской и родановской культур подверглась критике со стороны ряда ученых-археологов из Перми и Ижевска: Р. Д. Голдиной, Г. П. Головчанским и А. Ф. Мельничуком [10, с. 103–105; 15, с. 17–20].

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что несмотря на многочисленность публикаций, посвященных погребальному обряду средневекового населения Пермского Предуралья, тема до сих пор является не до конца изученной, а дискуссия об этническом составе населения остается открытой. Во-первых, последняя обобщающая работа проведена в конце 1990-х гг. С этого времени источниковая база значительно увеличилась, появились новые сведения о погребальном обряде населения, оставившего памятники ломоватовской и родановской культур. Во-вторых, указанные обобщающие исследования имеют ряд недостатков, связанных как с неполнотой источниковой базы, так и методикой исследования. Применения таких математических методов исследования, как кластерный и дискриминантный анализ, могут дать более полную картину о близости памятников по погребальному обряду, поскольку позволяют учитывать особенности ритуала на каждом из памятников. В-третьих, в связи с дискуссиями вокруг этнических процессов необходимо расширить контекст изучения памятников Пермского Предуралья и сравнить их не только с предполагаемыми угорскими культурами, но памятниками Северного и Удмуртского Предуралья, Ветлужско-Вятского междуречья. В-четвертых, некоторые особенности обряда требуют отдельного изучения, например, погребальные сооружения, жертвенно-поминальные комплексы, комплексы орудий труда и тому подобное.

### Список литературы

1. Амброз А. К. [Рец. на:] I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening Das Gräberfeld von Nevolino // Советская археология. 1973. № 2. С. 288–298.
2. Белавин А. М. Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер // Труды КАЭЭ. 2009. Вып. VI. С. 7–16.
3. Белавин А. М., Бочаров И. В., Крыласова Н. Б. К вопросу об этнической принадлежности средневекового населения Верхнего Прикамья // Уфимский археологический вестник. 2007. Вып. 6, 7. С. 131–145.
4. Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Археологические признаки культуры древних венгров на Урале: реальные и мнимые // Золотоордынское наследие. Казань, 2021. С. 35–42.
5. Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа : БГПУ, 2009. 278 с.
6. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 1 (32). С. 28–41.
7. Белавин А. М., Крыласова Н. Б., Данич А. В. Венгерские (мадьярские) черты погребального обряда средневековых могильников Предуралья // Археология евразийских степей. 2018. № 6. С. 8–12.

8. Бочаров И. В. Средневековый погребальный обряд Верхнего Прикамья как источник реконструкции этнической истории региона: опыт статистического анализа : дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 235 с.
9. Генинг В. Ф. Деменковский могильник памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. 1964. Вып. 6. С. 94–162.
10. Голдина Р. Д. К итогам дискуссии «Угры в Предуралье» // Российская археология. 2016. № 2. С. 102–119.
11. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1985. 280 с.
12. Голдина Р. Д. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // Вопросы археологии Урала. 1970. Вып. 9. С. 57–112.
13. Голдина Р. Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 79–91.
14. Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники Верхней Камы. Екатеринбург : Уральский ун-т, 1989. 215 с.
15. Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Проблема современного этнокультурного и хронологического восприятия средневековых древностей Верхнего Прикамья (конец I тыс. – первая половина II тыс. н. э.) // Этнокультурные процессы в странах и регионах : мат. Международной научно-практической очно-заочной конференции. Киров : Аверс, 2017. С. 13–26.
16. Кананин В. А. Погребальный обряд средневековых могильников верховьев р. Камы // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С. 80–95.
17. Крыласова Н. Б. Использование песка в погребальном обряде средневековых угров // Труды КАЭЭ. 2009. Вып. VI. С. 92–97.
18. Оборин В. А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999. С. 255–298.
19. Оборин В. А. Коми-пермяки в IX–XV вв. (Родановская культура) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1957. 404 с.
20. Оборин В. А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Вопросы археологии Урала. 1969. Вып. 9. С. 20–21.
21. Отчет императорской археологической комиссии за 1900 год. СПб, 1902. 174 с.
22. Отчет императорской археологической комиссии за 1901 год. СПб, 1903. 199 с.
23. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1952. № 28. 278 с.

## The history of the study of the funeral rite of the medieval population of the Perm Urals

K. V. Moryakhina

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of National and Universal History,  
Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University.  
Russia, Perm. ORCID: 0000-0002-7879-6526. E-mail: kmoryaxina@mail.ru

**Abstract.** The history of the study of medieval burial grounds began at the turn of the XIX–XX centuries, when archaeologists tried to characterize the rite on those monuments where they conducted excavations. Since the 1950s, researchers have identified typical features of the rite inherent in the population who left monuments of Lomovaton and Rodanov culture, paying attention to the continuity of cultures. As the material accumulated, the ideas about the rite expanded and the boundaries were clarified, mathematical research methods were used. A more complete description is given in the works of V. A. Oborin, R. D. Goldina, I. V. Bucharova, A. M. Belavina and N. B. Krylasova. Discussion topics related to the chronology of the Lomovaton and Rodanov cultures, ethnic processes in the Permian Urals were repeatedly raised. In the 1970s, A. K. Ambrose criticized the periodization of the Lomovaton culture, proposed by R. D. Goldina, and proposed the migration of part of the non-Kalinin population to the Upper Kama region. The researcher gave a reasoned answer in defense of her views. After the defense of the dissertation I. V. A discussion broke out about the border between the Lomovaton and Rodanov cultures, about the ethnic composition of the population of the Lomovaton culture. A. M. Belavin, N. B. Krylasova, V. A. Ivanov presented arguments in a number of works indicating that changes in the funeral rite and material culture were noticeable at the end of the XI century, which is associated with a change in population. Their opponents were R. D. Goldina, A. F. Melnichuk, G. P. Golovchansky. At the moment, the discussion remains open.

**Keywords:** funeral rite, Middle Ages, Permian Urals, historiography, chronology.

## References

1. Ambrose A. K. [Rev. on:] I. Erdélyi, E. Ojtozi, W. Gening Das Gräberfeld von Nevolino // *Sovetskaya arheologiya – Soviet archeology*. 1973. No. 2. Pp. 288–298.
2. Belavin A. M. Pogrebal'nyj obryad srednevekovyh arheologicheskikh kul'tur Predural'ya kak etnomarker [Funeral rite of medieval archaeological cultures of the Urals as an ethnomarker] // *Trudy KAEЕ – Works of KAEЕ*. 2009. Is. VI. Pp. 7–16.
3. Belavin A. M., Bocharov I. V., Krylasova N. B. K voprosu ob etnicheskoj prinadlezhnosti srednevekovogo naseleniya Verhnego Prikam'ya [On the question of the ethnicity of the medieval population of the Upper Kama region] // *Ufimskij arheologicheskij vestnik – Ufa Archaeological herald*. 2007. Is. 6, 7. Pp. 131–145.
4. Belavin A. M., Ivanov V. A., Krylasova N. B. Arheologicheskie priznaki kul'tury drevnih vengrov na Urale: real'nye i mnimye [Archaeological signs of the culture of ancient Hungarians in the Urals: real and imaginary] // *Zolotoordynskoe nasledie – Golden Horde heritage*. Kazan. 2021. Pp. 35–42.
5. Belavin A. M., Ivanov V. A., Krylasova N. B. Ugry Predural'ya v drevnosti i srednie veka [The Ugric Urals in antiquity and the Middle Ages]. Ufa. BSPU. 2009. 278 p.
6. Belavin A. M., Krylasova N. B. Problema periodizacii srednevekovyh arheologicheskikh kul'tur Permskogo Predural'ya [The problem of periodization of medieval archaeological cultures of the Permian Urals] // *Vestnik Permskogo universiteta – Herald of Perm University*. 2016. Is. 1 (32). Pp. 28–41.
7. Belavin A. M., Krylasova N. B., Danich A. V. Vengerskie (mad'yarskie) cherty pogrebal'nogo obryada srednevekovyh mogil'nikov Predural'ya [Hungarian (Magyar) features of the funeral rite of medieval burial grounds of the Urals] // *Arheologiya evrazijskikh stepej – Archeology of the Eurasian steppes*. 2018. No. 6. Pp. 8–12.
8. Bocharov I. V. Srednevekovyj pogrebal'nyj obryad Verhnego Prikam'ya kak istochnik rekonstrukcii etnicheskoj istorii regiona: opyt statisticheskogo analiza : diss. ... kand. ist. nauk [Medieval funeral rite of the Upper Kama region as a source of reconstruction of the ethnic history of the region: experience of statistical analysis : diss. ... PhD in Historical Sciences]. Ufa. 2000. 235 p.
9. Gening V. F. Demenkovskij mogil'nik pamyatnik lomovatovskoj kul'tury [Demenkovsky burial ground monument of Lomovatov culture] // *Voprosy arheologii Urala – Questions of archeology of the Urals*. 1964. Is. 6. Pp. 94–162.
10. Goldina R. D. K itogam diskussii "Ugry v Predural'e" [To the results of the discussion "Ugrians in the Urals"] // *Rossiyskaya arheologiya – Russian Archeology*. 2016. No. 2. Pp. 102–119.
11. Goldina R. D. Lomovatovskaya kul'tura v Verhnem Prikam'e [Lomovatov culture in the Upper Kama region]. Irkutsk. Publishing House of Irkutsk University. 1985. 280 p.
12. Goldina R. D. Mogil'niki VII–IX vv. na Verhnej Kame [Burial grounds of the VII–IX centuries on the Upper Kama] // *Voprosy arheologii Urala – Questions of archeology of the Urals*. 1970. Is. 9. Pp. 57–112.
13. Goldina R. D. Hronologiya pogrebal'nykh kompleksov rannego srednevekov'ya v Verhnem Prikam'e [Chronology of burial complexes of the early Middle Ages in the Upper Kama region] // *KSIA – KSIA*. 1979. Is. 158. Pp. 79–91.
14. Goldina R. D., Kananin V. A. Srednevekovye pamyatniki Verhnej Kamy [Medieval monuments of the Upper Kama]. Yekaterinburg. Ural University. 1989. 215 p.
15. Golovchanskij G. P., Mel'nichuk A. F. Problema sovremennogo etnokul'turnogo i hronologicheskogo vospriyatiya srednevekovyh drevnostej Verhnego Prikam'ya (konets I tys. – pervaya polovina II tys. n. e.) [The problem of modern ethnocultural and chronological perception of medieval antiquities of the Upper Kama region (the end of the I millennium – the first half of the II millennium AD)] // *Etnokul'turnye processy v stranah i regionah : mat. Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy ochno-zaochnoj konferencii – Ethnocultural processes in countries and regions : mat. of International scientific and practical full-time and correspondence conference*. Kirov. Obverse, 2017. Pp. 13–26.
16. Kananin V. A. Pogrebal'nyj obryad srednevekovyh mogil'nikov verhov'ev r. Kamy [Funeral rite of medieval burial grounds of the upper reaches of the Kama River] // *Etnicheskie processy na Urale i v Sibiri v pervobytnuyu epokhu – Ethnic processes in the Urals and Siberia in the primitive era*. Izhevsk. 1983. Pp. 80–95.
17. Krylasova N. B. Ispol'zovanie peska v pogrebal'nom obryade srednevekovyh ugrov [The use of sand in the funeral rite of medieval Ugrians] // *Trudy KAEЕ – Works of KAEЕ*. 2009. Is. VI. Pp. 92–97.
18. Oborin V. A. Komi-permyaki [Komi-Permyaks] // *Finno-ugry Povolzh'ya i Priural'ya v srednie veka – Finno-Ugrians of the Volga region and the Urals in the Middle Ages*. Izhevsk. 1999. Pp. 255–298.
19. Oborin V. A. Komi-permyaki v IX–XV vv. (Rodanovskaya kul'tura) : dis. ... kand. ist. nauk [Komi-Permyaks in the IX–XV centuries. (Rodanov culture) : dis. ... PhD in Historical Sciences]. M. 1957. 404 p.
20. Oborin V. A. Etnicheskie osobennosti srednevekovyh pamyatnikov Verhnego Prikam'ya [Ethnic features of medieval monuments of the Upper Kama region] // *Voprosy arheologii Urala – Questions of the archeology of the Urals*. 1969. Is. 9. Pp. 20–21.
21. Otchet imperatorskoj arheologicheskoy komissii za 1900 god – Report of the Imperial Archaeological Commission for 1900. SPb. 1902. 174 p.
22. Otchet imperatorskoj arheologicheskoy komissii za 1901 god – Report of the Imperial Archaeological Commission for 1901. SPb. 1903. 199 p.
23. Smirnov A. P. Ocherki drevnej i srednevekovoj istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya [Essays on the ancient and medieval history of the peoples of the Middle Volga region and the Kama region] // *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR – Materials and research on the archeology of the USSR*. 1952. No. 28. 278 p.